

ЕГО ГЛАВНАЯ РОЛЬ...

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Конечно, и здесь не обошлось без обидок...

Но подбирать студентов это еще далеко не все.

сказы. Это заслуга его школьных учителей, имена которых широко известны сегодня и за пределами Литвы, — композитора И. Швядаса, писателя А. Венцловы, историка Ю. Жюгжды.

И вот Ионас — в драматической студии. Какая из первых ролей на профессиональной сцене особенно запомнилась ему? Он играл Эдвардаса в «Сумерках» А. Венуолиса, Разумихина в «Первых встречах»... Нет, пожалуй, глубже всего остался в памяти Шура Зайцев из «Старых друзей» Л. Милюгина. Должно быть, потому, что и у Шуры

был даже текст некоторых ролей. Но ведь в том-то и заключается один из актерских секретов — сыгранные роли не исчезают вместе с огромным материалом, которым пользовался при их создании актер, они остаются в его душе, помогают в новых работах. Ионас уверен, что не будь всех этих ролей, ему никогда бы не удалось создать образ Владимира Ильича в «Кремлевских курантах» и «Третьей патетической».

Ленин! Гигантская личность, вместе с тем такой земной, простой человек. Прекрасный тактик и гениальный мыслитель, человек необычайно чуткий к чужой беде, любящий музыку, детей и вместе с тем утверждающий, что невозможно совершать революцию в белых перчатках. Таким показывают нам его обильные документальные и мемуарные материалы. Но как довести до зрителя полнокровный образ вождя революции, если драматургический материал ограничен.

Сначала трудности казались актеру непреодолимыми, но это только сильнее увлекло одаренного художника. На его столе рядом с томами Ленина появились статьи и очерки А. М. Горького, М. Кольцова, поэмы В. Маяковского. Он просматривал документальные кадры, фотоснимки и картины. Посещал ленинские места. Так шаг за шагом углублялась, прояснялась роль. Но и сейчас Кавалаяускас чувствует: сколько бы он ни работал, всегда что-то еще останется непостижимым, недоделанным.

Роли, роли... Работа над ними, конечно, занимала много времени, но ведь остается еще и собственная роль — роль человека в жизни и обществе. Ведь жизнь надо прожить так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», как говорил Н. Островский.

Ионас любит вспоминать нелегкие студенческие годы, первые радости, первые неудачи. Теперь он точно знает: в большинстве случаев в неудачах и огорчениях бывал виноват его слишком прямой, бескомпромиссный характер. Часто достаточно было хоть немного уступить, помолчать, и все пошло бы без сучка, без задоринки. Но Ионас знал: любая уступка, от которой пострадают прав-

да и справедливость, — шаг назад в творчестве.

Нелегко бывало режиссерам убедить актера, что в этом месте герой должен вести себя так, а не иначе. Ионас физически не мог повиноваться таким указаниям, если интуиция подсказывала ему нечто иное. Надо было жить жизнью своего героя. И тут уже для Ионаса не могло быть никаких авторитетов.

Однажды он заявил одному маститому режиссеру:

— В ваш замысел не верю. Вы застыли на месте. Живете вчерашним днем, не следите за тем, что творится в мире.

Режиссер стал просто игнорировать Кавалаяускаса. Играть, мол, как знаешь. А это для актера, привыкшего на репетициях полемизировать с партнерами, с режиссером, даже с самим собой, было особенно трудно.

...Овладев мастерством создания образов в лирических и бытовых драмах, Кавалаяускас в один момент как бы приостановился в своем развитии. Нужен был новый, сильный толчок. В театр пришли молодые режиссеры — В. Чибирас, И. Юрашас, Г. Ванцявичюс. И актер словно обрел второе дыхание. Его Доктор во «Всеми забытом», сыгранная им роль в «Четвертом» К. Симонова, фон Герлах в «Узниках Альтоны» Ж.-П. Сартра, его Санчо Панса порадовали зрителя.

Уж как человек создан: временные неприятности быстро забываются, а радости остаются, особенно, если они связаны с работой. Восемь лет преподавал Ионас Кавалаяускас в консерватории. Многие его ученики стали известными актерами, партнерами Ионаса. Сколько раз перед столом экзаменаторов стояли молодые люди, волновались, прочитанные ими стихи звучали бледно, этуды казались бесцветными.

— Из этого парня актера не получится, — заявляли некоторые члены комиссии. И неожиданно раздавался голос Кавалаяускаса:

— А я думаю — получится...

Нелегко было определить, кто из поступающих имеет дарование, и распознать «пустоцветы». Тут приходилось учитывать и вкус, и дикцию, и слух, и физические данные. А самое главное — нужно было опираться на собственное чутье.

Им нужно привить любовь к работе, любовь к театру, а не к себе в театре, как говаривал К. Станиславский. Ионас учил молодежь тому, чему когда-то сам учился у таких мастеров, как Б. Даугувейтис, Р. Юкнявичюс, П. Кубертавичюс. Он приучал своих питомцев не подражать никому, даже самому себе, быть принципиальными, не идти на компромиссы со своей совестью. Кавалаяускас-педагог может гордиться своими учениками: А. Росенасом, Э. Жебертавичюте, Б. Гражисом, Н. Нарияускайте и А. Бружасом.

В течение нескольких лет И. Кавалаяускас руководит Республиканским театральным обществом, объединяющим около тысячи человек. Вряд ли художнику может понравиться канцелярская возня с отчетами, циркулярами... Но Кавалаяускас — гражданин, коммунист, знает, что его работа важна, а раз так — надо ее выполнять со всей душой.

Завтра — ни спектакля, ни репетиции в театре, Ионас сядет за свой стол в Театральном обществе, и начнутся звонки...

— Товарищ председатель, нужно устроить экскурсию во МХАТ, — звонят из Клайпеды или Шяуляй.

— Нужно провести вечер поэзии Юстинаса Марцинкявичюса.

— Хотелось бы послушать лекцию об итальянском неореализме.

Ионас внимательно выслушает каждого, постарается понять, помочь. Люди знают, если их делом заинтересуется Кавалаяускас, то обязательно поможет, как он делал это, будучи депутатом Верховного Совета республики, секретарем партийной организации театра. День промчится незаметно, а потом новые впечатления помогут ему в создании новых ролей.

Большим событием в жизни артиста стало участие в работе недавно закончившегося XVI съезда КП Литвы, наметившего план дальнейшего развития народного хозяйства и культуры республики. И коммунист Ионас Кавалаяускас отдал все свои силы, энергию, свой талант тому, чтобы доставлять радость людям, помогать формированию нового человека — строителя коммунистического общества.

Бронюс МАЦКЯВИЧЮС.

ТАК повторяется вот уже почти тридцать лет — смолкают аплодисменты, гаснут огни рамп, и толстяк Санчо Панса, медлительный дядя Вани спесивый Скачкаускас из «Доли предрассветной» вновь превращаются в Ионаса Кавалаяускаса.

Усталый человек стирает с лица грим. Позади остается жизнь героя, прожитая им на сцене, а в его душе — или радость, или неудовлетворенность в зависимости от того, насколько удалась ему роль.

По улицам Вильнюса он шагает домой, на Жирмунай. Дорога неблизкая. О многом можно подумать, многое вспомнить. Что-то долго нет писем из Каунаса от дочки — тоже артистки... И невольно мысль возвращается к прошлому: с чего же, собственно, началась его любовь к театру?

Домик в каунасском предместье Петрашунай. Отец мечтал сделать из сына офицера, а Ионас увлекался спортом, организовал баскетбольную команду из босоногих сорванцов, добился даже успехов, медалей. А сцена? О ней он задумался позже — то ли когда в школе ставили «Тартюфа», то ли когда впервые попал в настоящий театр и увидел великого Ф. Шалаяпина... Еще на школьной скамье он увлекался искусством — интересовался музыкой, пел в хоре, писал стихи, рас-

период взросления совпал с самым тяжелым испытанием в жизни всего народа — Великой Отечественной войной. Но характер Шуры сложился в условиях социалистического общества. Ионас тогда увлеченно зачитывался «Молодой гвардией» А. Фадеева, романом Н. Островского «Как закалялась сталь».

Корчагин, Кошевой! Какое огромное влияние оказали эти герои на литовскую молодежь в послевоенные годы! Создавая образ Шуры Зайцева, изучая истоки его героизма, Ионас обогащался сам, мужал, учился видеть своего героя многопланово. Это особенно пригодились потом, когда пришлось создавать образы людей различных эпох, самых различных характеров.

Так начал молодой актер овладевать искусством познания человека. Даже на улице Ионас пылливо наблюдал за людьми, стараясь угадывать их профессии, их мысли и чувства. А самое главное — он стремился уловить внутренние мотивы поведения человека и на этой основе «лепил» характеры своих героев. Так были им созданы чеховский Войничский, шекспировский Клавдий, Тарутис в «Земле-кормилице», Лестер в «Марии Стюарт», Доктор во «Всеми забытом» Н. Хикмета, Скроботов в горьковских «Врагах».

Многие из этих постановок давно сошли со сцены, Кавалаяускас за-